

ВЫПАВШАЯ ДРИАДА

Он не сразу понял, что это не куст, а встормошенные волосы с застрявшими листьями и ветками. В парке было темно, сыро, промозгло, только тускло сияли фонари, источая рыжее сияние из своей белой сердцевины, будто кровотока. С деревьев падали камушки ледяных слёз, прицельно, прямо за шиворот. Женя повернулся и посмотрел на полуразрушенную скульптуру, пытаясь, как каждый раз, угадать, для чего она здесь. Незаконченный набросок фонтана? Подставка для памятника? Чаша? Грязно-белая, наполовину развалившаяся, как надкушенный гриб, незаконченная... Женя любил ощущение незавершённости. Он и сам в каком-то смысле был художником набросков несколькими штрихами.

В такую погоду в парке обычно никого не было. Женя любил дождь именно за это: парк пустел, и более всего Женя не любил прохожих, решивших срезать себе путь через проложенные по парку дорожки. Одетые в дешёвые деловые костюмы, с деловым выражением на лице, они были чужаками на этом молчаливом кладбище деревьев со стоящими над павшими ветвями и листьями скорбными родственниками. Но осенним вечером, когда темнело рано, да ещё и в дождь, здесь было безлюдно.

Женя обратил внимание на необычный куст совершенно случайно – он дрожал в другом ритме, а, как любой ранее близорукий человек, Женя быстрее улавливал изменение ритма мира, чем визуальное изображение.

Он подошёл к кустам бересклета и склонил голову набок. Ребёнок сжался в комочек и перестал дрожать. Женя приподнял одну бровь – слишком ярко сияли звёздочки дождя в волосах, слишком сильно – они были похожи на маленькие галактики, заключённые в каплю. Неужели?..

Стараясь сдержать возбуждение, Женя присел на корточки и раздвинул кусты. Ребёнок настороженно посмотрел на него; огромные глаза цвета клюквы на бледном лице, и Женя едва удержался от восхищённого вскрика – это был не ребёнок, а девушка-подросток. Она. Выпавшая

дриада. Женя мечтал встретить её с тех пор, как был совсем маленьким и гулял среди этих деревьев, осторожно постукивая по коре, говоря с деревьями.

Женя протянул руку, не улыбаясь. Ладонью вверх. Предложение помощи.

Дриада снова внимательно и растерянно посмотрела на него своими глазами, залитыми горячим клюквенным морсом, а потом осторожно протянула свою ледяную грязную белую руку и вложила в его руку.

– Какой чай ты любишь? – спросил Женя, не оборачиваясь.

Дриада сидела на стуле с ногами, закутавшись в тёплый плед. Перепутанные волосы, которые он в темноте принял за русые, оказались медно-рыжими, а одежда – клетчатая синяя фланелевая рубашка и джинсы – не настолько грязной, только промокшей, и переодеться дриада отказалась наотрез.

– С сахаром, – ответила она. У неё оказался резкий, хрипловатый после долгого молчания голос. Жене он показался смутно приятным.

Женя усмехнулся и положил в мятный чай две с половиной ложки сахара. Передал пиалу дриаде. Она попробовала и дёрнулась, возмущённо уставившись на него:

– Горячо. Ты не разбавляешь?

– Разбавлять? – спросил он, внутренне забавляясь.

– Холодной водой, – сказала она. – Но не из ручья, а кипячёной. Дома я всегда... – она осеклась и замолчала.

Он прижимал её к себе на маленькой кухне, пока её трясло от рыданий по дому, в который она никогда больше не сможет вернуться. И засыпал, слыша её неровное дыхание во сне: ей снились кошмары.

Оказалось, что разбудить дриаду – это почти нереальное занятие. Она недовольно ворчала, куталась в одеяло, пыталась уползти в стоящий рядом шкаф. Наконец, Женя, посмеиваясь про себя, прекратил попытки сунуть ей чашку кофе и сел на кровать с книжкой, иногда косясь на лежащую в его кровати нереальную девушку, которая когда-то жила в дереве. Дриаду звали Шуанг, и она выпала, потому что попала в ледяной ручей от осеннего дождя. Дриада, умершая раньше времени в их мире, редкость. Этих, «умерших» там, выбрасывает в наш мир. И они абсолютно не знают, что им здесь делать, и обычно умирают за день, если их не заберут в хорошие руки. Как брошенных котят, подумал Женя, вытаскивая листик из спутанных медных волос Шуанг. Точнее, как брошенных котят в приюте, которых ждёт обязательное усыпление, если вы их не заберёте.

Женя вернулся к книге и не сразу заметил, что дом преобразился. На окне заискрились огоньки силы там, где постепенно засыхали на подоконнике горшки с геранью, вспыхнула новогодняя гирлянда, которую он всё думал выбросить – перегорела лампочка. Иначе стал падать солнечный свет из окна. Он стал более... существенным, значимым.

Шуанг недовольно приоткрыла один глаз, и он, не глядя, протянул ей немного остывший кофе.

– Тьфу, – поморщилась дриада. – А молоко?

– Молоко? – удивился Женя.

– Я всегда пью кофе с молоком, – ответила Шуанг, отдавая ему чашку и валясь обратно на подушки. – Без него же невозможно пить, это кошмар какой-то.

И Женя почему-то засмеялся.

Когда Шуанг причесалась и щёткой для обуви стёрла с рубашки и джинсов следы грязи, Женя испытал непонятное чувство утраты. Теперь она выглядела очень аккуратно и – если не приглядываться к глазам, в которых горел огонь, – обычно. Встрёпанной она казалась естественнее. Он заставил её накинуть его слишком большую кожаную куртку и надеть кроссовки, и они пошли в парк.

– Так в чём состоит твоя работа? – спросила Шуанг, спокойно глядя вокруг на стройные стволы деревьев. Женя боялся, что ей будет не по себе среди этого напоминания о прошлом, но Шуанг как будто совсем успокоилась.

– Я намечаю людей, – ответил Женя. – В этом парке.

Шуанг протянула руку и дотронулась до листьев вяза.

– Шершавый, – сказала она, виновато улыбаясь. – Хочешь потрогать?

Женя дотронулся до листьев вяза, хотя дотрагивался до них тысячи раз.

– Не совсем точное слово, – ответил он. – Он похож на язык кошки. Или как гладить кого-то против шерсти. И при этом каждая шерстинка за тебя цепляется, отталкивая и в то же время боясь, что ты уйдёшь навсегда.

– Да, – Шуанг склонила голову и улыбнулась. – Ты читаешь во мне. Это редкая способность.

– Тренировка. Это часть моей работы.

– Покажи.

Женя обернулся; по дорожке как раз спешила женщина средних лет с сумками.

– Посмотри на неё, – сказал Женя, и Шуанг послушно уставилась на женщину. – У неё очень много дел. И очень много проблем. Она пытается не забыть последовательность дальнейших действий, как автомат для продажи газировки. Она не помнит, кто она. Я показываю им всего на несколько минут. Что с этим делать дальше – их дело.

Он замер на несколько секунд, читая её, а потом женщина неуловимо изменилась. Волосы стали более золотыми, разгладилась морщинки, лицо порозовело, глаза засияли. За несколько секунд загруженная тридцатипятилетняя мать превратилась в молодую девушку в простом белом платье, которая очень любила танцевать, огромное поле колосьев за домом, узоры на полотенцах, вид бегущих по небу облаков и своего мужа, тогда простого паренька из соседнего дома. Девушка замерла, ошеломлённая, и впервые посмотрела на парк вокруг, а потом подняла глаза к небу. В её сияющих голубых глазах набухли слёзы.

Такой она и вернулась обратно – постаревшая, уставшая, но с тем же молодым ошеломлением в голубых глазах, полных слёз.

– А сейчас смотри, – сказал Женя. – Это самый сложный момент. Здесь я уже ничего не могу поделать. Либо они возвращают часть себя, либо стряхивают её с себя.

Женщина растерянно осмотрелась вокруг, не понимая, что с ней произошло. А потом вдруг улыбнулась, будто услышала только ей понятную шутку, поставила сумки на дорожку, легко сошла на тёмную землю парка, набрала самых ярких жёлтых и красных листьев – дочери на венок. И несколько веточек, чтобы нарастить на них кристаллы соли и подарить мужу, потому что таким был его первый подарок ей в школе. Чтобы они вспомнили это вместе, чтобы он прижал её к себе,

как раньше, и они долго стояли бы так, чувствуя тепло тел друг друга, радуясь тому, что они вместе.

Женщина казалась помолодевшей на пять лет, и в её волосы вернулись золотые нотки.

– Её зовут Алиса, – сказал Женя, мягко улыбаясь. – И с ней нам повезло.

– Ты очень хороший человек, – сказала Шуанг сдавленно.

Женя удивлённо обернулся. Шуанг не отрывала взгляда от Алисы. По щекам дриады текли слёзы, похожие на маленькие галактики.

Шуанг не спала до поздней ночи, как и сам Женя. С балкона открывался отличный вид на парк и ночное небо, и они быстро привыкли к ночным посиделкам. Женя притаскивал два мягких кресла-мешка, Шуанг осторожно зажигала свечи-таблетки, они наливали чай или кофе (с молоком для Шуанг), смотрели на деревья и тени от них, на маленькие звёзды на чёрном небе. Иногда небо было не чёрным, а персиково-розовым, особенно к зиме, но они любили и это тоже; казалось, город прикрылся одеялом, и становилось ещё уютнее, тише. Когда Женя уходил по делам или гостил у старых друзей, Шуанг приносила оба кресла на балкон, садилась в кресло Жени и читала. Если уходила Шуанг, Женя ходил по всему дому с немного растерянным, но серьёзным видом, и убирался, потому что боялся, что Шуанг будет кашлять от пыли. Он не любил, когда она кашляла.

Подоконник расцвёл цветами. Рядом с чайником всегда стояли две чашки. Женя перекрасил рамы окон в ярко-голубой цвет, и теперь их окно с улицы выглядело совсем иначе. Он и сам стал совсем иным. В нём поселился внутренний уют, тепло, искра. Всё вокруг стало другим. Когда Шуанг заходила на кухню с утра, с растрёпанными волосами, в старой майке, Женя, усмехаясь, передавал ей её сладкий кофе с молоком и наслаждался переливами солнечных лучей, запутавшихся в её медных волосах. Ей было не семнадцать лет, как он подумал сначала, а двадцать два – она была на три года младше его, но выглядела совершенным подростком. В нём постепенно с теплом поселилось ощущение естественности. Естественности в том, чтобы прижать к себе Шуанг за талию, когда они идут по парку спокойным прогулочным шагом. В том, чтобы спать, уткнувшись в копну её рыжих волос, а с утра выплёвывать их под её смеющимся взглядом. Позволить её маленькой замёрзшей руке скользнуть в карман его зимней куртки.

– Когда я была маленькая, – однажды сказала Шуанг, – я часто слышала стук и шёпот. Ты можешь сказать, что это ненормально, но я его слышала и даже пыталась стучать в ответ и что-то отвечать. Все мои знакомые считали меня сумасшедшей, – она рассмеялась.

Женя шёл молча. А потом с трудом ответил:

– Это я стучал по дереву. Когда был маленьким. Я старался поговорить с дриадами, которые там живут. Особенно я любил вяз.

Шуанг тоже молчала, а потом крепче сжала его руку и просто сказала:

– Мы, оказывается, знакомы так давно.

Она поцеловала его в первый раз у гаражей, прямо за парковой оградой. Сказала: «Я тебя сейчас поцелую», – и не дала ему времени подумать над этим, просто склонилась к нему, сидящему на скамейке, и прикоснулась своими губами к его губам. Её губы были горячие, а сама она – очень необычная на вкус. Как кофе с молоком, как огонь, как ка-

кая-то знакомая пряность, которую ты пытаешься вспомнить, но никак не вспоминаешь, поэтому пробуешь ещё и ещё. И Женя пробовал ещё и ещё, не в силах оторваться от неё, прижимая к себе всё сильнее, обнимая, что-то радостно пробурчав, когда она села ему на колени.

– Я знаю, зачем ты здесь, – сказал он, когда они шли домой, рука в руке, всё ещё не веря в случившееся, счастливые и сияющие изнутри.

– Заставлять тебя мешать зелёный чай с сахаром, а кофе с молоком?

– Нет, – Женя покачал головой. – Чтобы сделать для меня то, что я делаю для других. Напомнить мне, кто я на самом деле.

Шуанг остановилась, серьёзно посмотрела ему в глаза и обняла его. Он прижал её к себе и понял то, что не понимал всё это время: теперь они оба наконец-то вернулись домой.

СЛОВО

– Отстань! Отцепись! – Николай отодрал ледяные грязные пальцы от своей штанины и кинулся прочь. – Просто отвали, чтоб тебя!

Девочка взглянула на него и молча продолжила взбираться за ним на холм. От этого взгляда Николай дёрнулся и ускорил шаг.

Всего час назад эти голубые глаза, что смотрели на него сейчас с непонятым выражением жадности и укора, были закрыты. Навсегда. Он выбрал самую свежую могилу, так как был не совсем уверен. Не в силе своей магии, нет. Просто он не переносил трупы. Но практика есть практика, никуда от неё не деться. Он оживил эту девочку, похожую на полевую мышь, голодную, запуганную, погибшую по неизвестной причине. Он не знал даже её имени. Рядом с могилой не было ни камня, ни креста. Впрочем, он и не хотел знать её имя. Он просто хотел отправить её туда, откуда с таким трудом вытащил: под землю, в ад. Оживление удалось. Теперь оставалось только умертвить. Для этого нужно было всего-то отойти от неё метров на десять. А девчонка упрямо шла за ним, сжав губы и спотыкаясь едва ли не на каждом шагу. Сначала ему было страшно. Только ленивый не рассказывал вечером жуткие истории о магах-неудачниках, которых разодрали их собственные зомби, волей случая оказавшиеся убийцами и головорезами, каких свет не видывал. Они напивались крови мага и становились сильнее на два часа, которых им хватало на то, чтобы разнести окрестные деревни и убить всех жителей. Николай знал, что деревни пусты совсем не из-за зомби-убийц, виновата была безработица, но ночью, когда в полумраке так странно ложатся тени на деревянный пол, кто сможет убедить себя такими словами, как «безработица»?

Постепенно Николай понял, что девочка не желает ему зла. Когда она догоняла его, то просто цеплялась за него руками и смотрела в глаза долгим молчаливым взглядом, словно хотела что-то сказать. Через некоторое время это стало его раздражать. Николай прибавил шаг и услышал, как отчаянно неровными стали шлепки босых ног по пыльной дороге за ним. Сейчас, сейчас она отстанет. И как только она выйдет из круга его магии, как тут же упадёт на дорогу. Её голубые глаза закроются навсегда. И он так и не узнает, что она хотела ему сказать.

Николай сорвался с шага на бег. Лучше закончить это быстро. Ни в коем случае нельзя оставлять ей шанс. Откуда ему знать, что нужно этой девочке. Она была мёртвой. Она была там, за гранью, и он искусственно залил в её жилы сильнейший яд и противоядие – магию. Надевать такое существо человеческими качествами было не просто глупо. Это было опасно. А что дальше? Он начнёт разговаривать с камнями и своими старыми сандалиями? Нет уж, спасибо. Ненормальных магов и так хватает. Николай же славился своей расчётливостью, своей трезвостью мышления.

Но отрицать нельзя: ему хотелось узнать, зачем она преследует его. Очень, очень хотелось. Это единственный шанс на миллиард. Когда он ещё будет заниматься некромантией? Разве это не поучительно? Разве не представляет интерес для науки?

Николай остановился и тут же услышал то, что так боялся услышать: глухой и тяжёлый стук тела о землю. Поздно. Теперь остаётся только закопать или сжечь тело. Оживлять дважды нельзя. Это просто невозможно. Дважды вообще мало что можно сделать правильно.

Николай повернулся и уныло вернулся к телу. И не поверил своим глазам: девочка поднималась. Она не вышла за круг. А просто споткнулась.

подавив неуместное облегчение, маг подошёл к зомби.

Девочка сидела на дороге и смотрела на него этим странным, но совершенно разумным взглядом. Голубые глаза были какого-то непонятного сияющего цвета.

– Ладно, – вздохнул он. – Что тебе нужно?

Девочка приложила руки к сердцу. Потом, помедлив, положила одну руку на горло.

– Жизнь и голос, – кивнул Николай. – Не слишком ли этого будет много для мёртвого ребёнка?

Рука девочки, лежавшая на горле, дрогнула и тоже опустилась на грудь.

– Теперь мы, кажется, расставили приоритеты, – кивнул Николай, внутренне сжимаясь от презрения к себе: издеваться над ничем не соображающим животным, даже хуже, чем животным: камень и тот одушевлённей... Этой девочки здесь уже не было. А он всё никак не мог понять это. – Я не могу дать тебе жизнь.

Девочка спокойно кивнула, а потом протянула руку и схватила его за плащ, прежде чем маг успел отшатнуться.

– Жить, пока я не отойду? – усмехнулся Николай. – И какой же я буду маг, если за мной всюду будет шастать неуспокоенный зомби?

Губы девочки дрогнули, и она вывела на песке:

«Оригинальный».

Это решило дело. Николай согласился дойти с ней до следующего города. Два с половиной дня, такова была их сделка. Два с половиной дня жизни.

Он впервые встретил зомби с чувством юмора. Скорее всего, и в последний раз, но думать о следующем оживлении ему не хотелось.

В очередной раз помогая девочке перелезть через каменную ограду на границе двух государств, Николай с удивлением заметил, что пальцы её как будто потеплели. Но, возможно, дело в погоде: надвигалась гроза, и воздух был прогрет так, что даже кротовые норы до половины были наполнены теплом. Что уж говорить о тонких пальцах девочки.

– Как тебя зовут? – забывшись, спросил Николай.

– Саша, – хрипло ответила девочка.

Николай отпрыгнул от неё, споткнулся о корень и ушиб запястье и плечо. Сложно будет колдовать в ближайшее время, неудобно, но какая разница, если...

– Ты говоришь, – ошарашено отметил Николай.

– Да, – девочка прокашлялась, и её голос больше стал похож на детский. – Я не знаю, как. Я просто так хотела снова говорить. Для меня важно говорить.

– Почему?

– Потому что... Я не помню.

Но Николай видел, что она помнила. И не понимал, зачем она хоть что-то скрывает. Разве имеет смысл скрывать хоть что-то, когда ты за порогом смерти? Разве вообще хоть что-то должно казаться бессмысленным в такой момент?

Или просто есть люди, для которых что-то всегда остаётся важным?

– Для меня слова тоже важны, – кивнул Николай, поднимаясь. – Для всех магов. Слова и жесты.

– Жесты для меня не имеют значения, – сказала Саша. – А вот слова... Слова – это жизнь.

– Или смерть.

– Смерть – тоже жизнь, – ответила Саша, и до самого вечера они шли молча.

Расстилая плащ под огромным дубом и привычным жестом разжигая на голой земле огонь, Николай поймал себя на мысли, что ему нравится путешествовать с кем-то. Путь прошёл легче, обычно гудящие ноги болели меньше, появилось какое-то настроение. Может, завести собаку? Хотя нет. К собаке можно привязаться. А привязанность – совсем не то, что требуется магу-одиночке. Особенно к живому существу. Николай хмыкнул. Вот к мёртвому – в самый раз.

Начал накрапывать мелкий дождик, гроза, видимо, на сегодня отменялась, но напряжение от её ожидания осталось: дробное, тревожное, шёпотом.

– Я посплю, – сказал Николай.

– Хорошо, – отозвалась Саша. Она сидела чуть поодаль и неотрывно смотрела на степь своими странными голубыми глазами. В полусне Николаю привиделось, что они вместе ходят по базару и выбирают одежду для Саши, а потом он снова и снова оказывался в своём родительском доме. Он выбегал из него и тут же вспоминал, что забыл расчёску, и снова вбегал, и забывал об этом сне, и вспоминал только когда в следующем захлопывал за собой тяжёлую дверь и обнаруживал, что расчёска внутри тёмного пустого дома.

– Николай! – взвизгнула Саша, и Николаю во сне почудилось, что это скрипнули дверные петли. Сон никак не отпускал. – Николай!!

Маг вскочил. Два громила схватили девочку за руки, а ещё один, с ножом, медленно, крадучись, приближался к нему самому. Увидев, что Николай проснулся, громила метнул нож и кинулся на Николая... Но и нож, и грабитель словно отскочили от прозрачной толстой стены. Николай ошеломлённо оглянулся. Щит такой скорости и прочности ему был не по силам. Кто же...

– Вон там! – воскликнула Саша.

Николай обернулся и краем глаза заметил тёмную фигуру, скользнувшую обратно в лес. Скоростное перемещение. Кто же помог ему? Среди магов взаимовыручка была довольно редким явлением.

Бандиты грубо кинули Сашу на землю и быстро скрылись за ближайшим холмом. Скорее всего, у них там пещера или какое-то ещё подземное убежище.

Николай, всё ещё оглядываясь, подошёл к Саше и помог ей подняться.

– Не ушиблась? – машинально спросил он.

– Я мертва, – сказала девочка.

– Кто же это был? – не слушая её, спросил Николай. – Ты не видела?

– Какой-то... в сером капюшоне, – Саша пожала плечами. – Как в книжках. Какой-то слишком... ненастоящий. Это важно?

– Не знаю. Ладно, пойдём отсюда.

– Да.

Они мало говорили. Николай сначала хотел расспросить её о том, что чувствуют мёртвые, что она видела, когда её душа была вне, но потом понял, что это глупые вопросы. Её душа всё ещё вне, и она ничего не чувствует. Неизвестно даже, что заставило её говорить.

А может, он не задавал эти вопросы, потому что видел её глаза. Они почему-то, он сам не знал отчего, помогали ему промолчать, когда хотелось задать очередной глупый вопрос. Этот взгляд прояснял его и успокаивал.

Им оставалось полтора дня. А потом Саша добровольно выйдет из круга. И станет тем, кто она есть: телом, лежащим на траве, с остеклевшим взглядом, с расслабленными, а не упрямо сжатыми губами.

И всё же... Это было удивительно: смотреть на неё, оживлённую магией. Николай видел, как она чешет нос, как старается пригладить спутанные русые пряди, как печально, совсем по-девичьи, смотрит на разорванные рукава, как украдкой старается соединить концы ветхого платья, как вздрагивает, когда наступает босой ногой на острый камень...

Вздрагивает?

– Ты чувствуешь боль.

Саша покачала головой.

– Совсем нет. С чего ты взял?

– Саша, ты чувствуешь боль и говоришь. Ты была мертва, я проверил не единожды, хоть и не было смысла проверять. Ты была мертва, я оживил тебя. Ты не должна была даже идти за мной. Что с тобой? Кто ты?

– Я не помню, – сказала девочка.

– Прекрати!! – закричал Николай. – Прекрати немедленно! Чего ты хочешь?! Кто ты?!

– Я Саша, – сказала девочка. Николаю показалось, что она ни разу не моргнула за всё это время. – И моя смерть зависит от тебя.

Николай повернулся и пошёл дальше. Ночью он проснулся и увидел, что девочка тоже спит, свернувшись калачиком рядом с ним, упиравшись ногой в камень и даже во сне сжимая его плащ своими тонкими пальцами. Николай неожиданно для себя улыбнулся (ночь смягчила его черты) и укрыл Сашу плащом. Её плечи были очень худыми и горячими. Не температура зомби. Это был обычный ребёнок. Упрямый и странный, похожий на сонную полевую мышку, с пронзительным взглядом и немного неловкими жестами. Теперь было трудно представить, что в следующий вечер она выйдет из круга и больше никогда не будет так смешно хмуриться во сне.

Но так и будет.

Николай смотрел на неё и никак не мог заснуть. Сидел и старался не замечать слёз, падающих на колени. Он оживил её. Он никогда не познакомится с ней. Он не сможет дать ей жизнь. Она всё сказала верно: единственное, что от него зависит – это её смерть. Полная и необратимая. Да и эту смерть он отменить не в силах. Он так долго учился на мага. Он думал, что от него будет что-то зависеть. И вот от него зависит это маленькое горячее существо. И... ничего.

Ничего.

С утра поднялся сильный ветер, и последний день они просто шли рядом, цепляясь друг за друга, чтобы выстоять перед порывами ветра.

Николай временами чувствовал, что снова начинает плакать, но уверял себя, что это из-за того, что ветер швырял в них песок, веточки и сухие листья. Ветер писал на земле слова и стирал их. Так быстро, что никто не смог бы прочитать. Слова ни для кого.

Николай и Саша шли через этот ветер в сумерки. Когда совсем стемнело, Николай сказал, что ещё совсем не стемнело, – и Саша только покачала головой.

– Мы договорились, – сказала она. – Я знаю. Слово нарушать нельзя.

– Иначе что? – ударил кулаком по дереву Николай. – Умрёшь?

– Иначе слово будет нарушено, – ответила Саша. – Нет ничего страшнее нарушенного слова. Оно начинает рушить другие слова.

– Слово, – повторил Николай.

– Слово, – кивнула Саша. – Мне пора. Спасибо тебе, Николай. Мне так хотелось... ещё чуть-чуть побыть. И я обязана тебе исполнением этого желания. Всем всегда нужно ещё совсем чуть-чуть.

– Саша... – Николай протянул к ней руку, как она в самом начале протягивала к нему, но девочка уже уходила вперёд. – Саша... Пожалуйста, – он шагнул за ней, но тут же одёрнул себя. Он маг. Она мертва. Так было с самого начала. Это просто возвращение на исходную позицию. Он не привязался к ней. Он просто привык. Он просто не хочет верить в то, что от него всё ещё ничего не зависит. Ей осталось всего несколько шагов, когда она повернулась и помахала ему. Улыбаясь сквозь слёзы.

– Пока, Николай!

– Пока, Саша, – прошептал Николай.

– Не слышу! – весело крикнула Саша.

– Пока!! – закричал Николай. – Пока! Прощай, Саша!

Она кивнула ему и вышла за пределы круга.

Николай умер в тот самый миг, когда увидел, как голубые глаза перестали сиять. Он нагнулся и поднял с земли первую сухую веточку. Потом вторую и третью.

Огонь разгорелся быстро.